

СИБИРСКАЯ ВОСПОМИНАНИЯ.

Ялutorовское дитя.

Сибирская почтовая тройка, въ мѣстностяхъ степныхъ и хлѣбородныхъ — бѣдовое дѣло! Уже при запряжкѣ на станціонномъ дворѣ держутъ обыкновенно ворота на заперти. Запрягши, выводятъ осторожно флякающихъ коней на улицу къ крыльцу станціи, и держать подъ уздцы до тѣхъ поръ покуда проѣзжіи не влезутъ, сотворивши теплую молитву и поручая себя всѣмъ святымъ, въ душегубку называемую «перекладной повозкой». Тогда ямщикъ наматываетъ себѣ крѣпко возжи на руки, почтовый староста и ямщики державшіе тройку отскакиваютъ въ сторону и при несовсѣмъ утѣшительномъ крикѣ ямщика: «держись баринъ!» лошади рванутся и пошли писать! Тутъ ужъ спасенье въ десницѣ ямщицкой! Покуда бѣшеная тройка не уймется, ямщику только одна забота — чтобы она не сломила себѣ шеи; объ своей же и пассажирской онъ не очень заботится. Шею его, если онъ живъ останется, ему направить, пассажиръ же убьется, земскій судъ донесетъ губернатору что де «волею Божіею помре» а извѣстно дѣло, на это суда нѣтъ. Ось лопнетъ, колесо разсыпится — все еще не бѣда: но за цѣлость тройки ямщикъ отвѣчаетъ хозяину головой и даже хуже — потому что если загонить, напорить, надорветъ по своей винѣ, то будетъ жить въ работникахъ нѣсколько лѣтъ даромъ.

Отморзлая въ этихъ сытыхъ мѣстностяхъ не только овсомъ и сѣномъ но и хлѣбомъ, (ямщики въ южныхъ округахъ тобольской губерніи даютъ своимъ лошадямъ печений хлѣбъ) мчитса бѣшеная тройка по степному полотну края такъ, что лубо! Высоко взомель майскій мѣсяцъ. Тиха и балзамическія упоительна весенняя ночь. Изъ за березовыхъ рошчи сверкаетъ серебряной пластинкой извилистый Тоболъ. Индѣ прожжетъ конь въ табуи, прозвѣнитъ гдѣ нибудь въ далекой дали бубенчикъ на шеѣ заблудившейся и отставшей отъ вечерняго стада коровы; порою прокричитъ кузнечикъ въ травѣ, прочликаетъ сквозь сонъ невѣдомая пташка, спрятавшаяся въ раскидистую талину свѣсившую свою свѣжую и яркозеленую листву на сонныя воды Тобола; даже милый и злетьный гость изъ при уральскихъ уѣздовъ теплой оренбургской губерніи, соловей — странно просвиститъ свою ночную элегію... и тогда все что видишь, что слышишь, напрашивается въ душу, вызывая свѣтлыя образы полныя любви и нѣги.

Уходила тройка, начинаетъ дремать усталый ямщикъ, погружается проѣзжіи въ невольныя думы, перебираетъ давно помятые листы «лѣтописи сердца», вызываетъ предъ ясновидѣніемъ духа все прожитое и часто столь дорогое; наконецъ намаявшаяся мысль отказывается бодрствовать, погружается въ летаргическій сонъ... Спитъ душа, а вскорѣ засыпаетъ и тѣло.

Но у сибирской почтовой тройки есть замашка кончать тѣмъ, чѣмъ она начинается. Умственная ли эта догадка, животный ли это инстинктъ — только завидивши, или точнѣе сказать почувшавши станцію, эти звѣри казалось совсѣмъ обезсиленные первоначальнымъ бѣшенымъ скакомъ, дремотно передвигающіе ноги подъ монотонный динь-динь колокольчика... вдругъ оживаютъ, очнута, войдутъ опять въ яръ и горе тогда ямщику разожившемуся въ полуснѣ на облучкѣ, забывшему, что станція близко и не подобравшему благовременно возжей! Тройка рванулась, понеслась какъ бы ни въ чемъ не бывало, какъ бы и не сдѣлала уже тридцати нешуточныхъ верстъ въ упаривающую весеннюю ночь... Прозѣвалъ ямщикъ и взмыленная тройка, набѣжавши со всего маху на угловой фонарной столбъ хватила объ него такъ сильно — что ось пополамъ, пшина съ колеса долой, кибитка на бокъ, ямщикъ сброшенный съ облучка на землю тащится на возжахъ по улицѣ; а я, выброшенный изъ кибитки плечомъ объ угловой домъ лишаюсь чувствъ... У меня переломлена ключица!

Все это — было дѣломъ двухъ-трехъ минутъ.

Когда жъ я очнулся, послѣ продолжительнаго обморока, отъ чувства нестерпимой боли — мѣстный лекаръ стягивалъ мнѣ ключицу въ лубки. Она переломилась на искось.

«Честь имѣю рекомендоваться!» сказалъ сибирскій Эскулапъ, не забывши шаркнуть при семъ ножкой «Ялutorовскій окружной лекаръ-съ»!

И да проститъ мнѣ Господь Богъ это согрѣшеніе! Еще не очнувшись совсѣмъ отъ обморока, подъ пыткой невыносимыхъ страданій (ибо что можетъ быть мучительнѣй перелома ключицы и первыхъ попытокъ свести обѣ частицы переломленной кости?) я улыбнулся, подумавши: вотъ нашель время рекомендоваться полумертвому человѣку. Въ послѣдствіи жъ — этотъ лекаръ оказался славнымъ старичкомъ, хотя и крѣпко придерживающимся чарки. Но это общая болѣзнь сибирскаго мелкаго чиновничества, у котораго кромѣ «чищенаго» да «преферанса» мало въ далекой и глухой Сибири развлеченій.

И такъ — я въ Ялutorовскѣ, прикованный волей — не волей (по словамъ окружнаго лекаря) на шесть можетъ быть недѣль къ постели безъ возможности быть даже перенесену на отводную квартиру; а мой невольный хозяинъ, объ домъ котораго мнѣ разбило илечо и переломило ключицу — участковый засѣдатель земскаго суда, Федотъ Ивановичъ.

Федотъ Ивановичъ, сынъ приказнослужителя умершаго не достигши вождѣннаго коллежскаго регистраторства, учился на мѣдныя деньги въ приходскомъ училищѣ и убоявшись премудрости уѣзднаго (а можно себѣ вообразить каковы они были во время оно, когда и теперь несовсѣмъ хороши) поступилъ на отцовское мѣсто въ штатъ Ялutorовскаго земскаго суда копистомъ. Въ тѣ страшно-далекія теперь отъ насъ времена (въ началѣ нынѣшняго столѣтія) грамотность и толковитость не были въ большомъ ходу у сибирскихъ чиновниковъ и канцелярскихъ писцовъ. И тѣ, и другіе, служили по-просту; писали хотя много, да безхитростно; а обыкновенно обдѣлывали дѣла не только въ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ, но и въ губернскихъ вольнонаемные писцы изъ ссыльно-поселенцевъ и даже изъ каторжныхъ. Эти люди, какъ говорится «собаку съѣли» на подлежащихъ статьяхъ! И точно. Тогда вѣдь еще не было свода законовъ и требовались большая память да не малое умѣнье, чтобы выбирать съ толкомъ изъ дедала старинныхъ сенатскихъ указовъ, законоположеній (большою частью рукописныхъ а не печатныхъ) знать, который отмѣненъ, а который нѣтъ. Такихъ людей (при проходѣ ссыльныхъ партій чрезъ губернскіе города) нарочно оставляли, задерживали, приписывали къ ближайшей волости (а каторжныхъ къ ближайшему заводу) и сажали въ канцеляріи. Иной такой молодецъ, сидя въ присутственномъ мѣстѣ на первыхъ порахъ еще въ ссыльномъ сѣромъ зипунѣ съ желтымъ четиуреугольнымъ на спинѣ — глядишь уже недѣли черезъ три начиналъ ворочать дѣлами, становился ухомъ и правой рукой присутствующихъ. Въ земскихъ судахъ — это была сущая язва бѣдныхъ мужиковъ и къ сожалѣнію надо сознаться, что доселѣ, не смотря на большую развитость сибиряковъ и на то, что много уже молодыхъ мѣщанъ и крестьянъ, кончая курсъ въ уѣздныхъ училищахъ дѣлаются хорошими грамотѣями способными и къ канцелярской службѣ, даже выходятъ сами въ «доки» и «собакоисѣдатели» такъ что надъ инымъ подобнымъ кричкотворомъ самъ бы графъ Сперанскій ахнулъ! оди ако и у нынѣшнихъ сибирскихъ исправниковъ и участковыхъ засѣдателей почти всегда разѣздные писаря ихъ изъ ссыльно-поселенцевъ. Они ловче, бойчѣй, разбитѣй.

Итакъ — хозяинъ мой началъ шестнадцати лѣтъ копистомъ, получая по рублю мѣдью жалованья въ мѣсяцъ, бѣгая на посылахъ за четвертушками сивухи въ ближайшій питейный для старыхъ приказныхъ съ похмѣлья, выпрашивая пятаки у приходящихъ въ земскій судъ пазушныхъ мужиковъ, разсыпаясь однимъ словомъ мелкимъ бѣсомъ, чтобы зашибить копѣйку! Фортуна, всегда глупая и своенравная баба, ему улыбнулась. Исправнику понравилась его расторопство, а милость исправниковъ и доннынъ золотыи принскъ для земскихъ служащихъ. Побѣгалъ онъ на помыкушкахъ съ кличкой «Федотки» и «приничной рожи» (потому что былъ рябъ какъ смертный

грѣхъ, хотя эта русская поговорка довольно нелѣпа ибо неужели смертный грѣхъ точно рабъ?) годика съ четыре и далѣ ему наконецъ исправникъ, неожиданно и негаданно для всѣхъ канцелярскихъ, видное и порядочно сытенное мѣстечко столоначальника. Ему было тогда всего двадцать лѣтъ, но вѣдь на милость образца нѣтъ! Стали величать его Ѳедотомъ Ивановичемъ, хотя исправникъ все еще шикалъ его: «Ѳедотъ! братецъ!» Въ прежніе годы исправники сживали по многу лѣтъ на сытыхъ мѣстахъ. И нынче мѣста эти сытыя, да сидятъ меньше. Пробылъ у своего милостивца Ѳедотъ Ивановичъ 10 лѣтъ столоначальникомъ, чинъ получилъ, домишко съ вдовой-матерью обзавелся. Тридцати лѣтъ попалъ онъ въ секретаря, брюшко стало отрастать, высокія дрожки на рессорахъ купилъ, домъ выстроилъ новый (объ который я торкнулся). Прошло еще 10 лѣтъ, стукнуло ему 40 да въ службѣ 24; дошелъ онъ и до титулярнаго совѣтника, получилъ наконецъ вожделенное мѣсто участковаго засѣдателя, мѣсто сытое доселѣ и котораго всегда горячо добиваются... Да не скажутъ впрочемъ, что все это вымыселъ. Въ близкомъ будущемъ этого конечно уже не будетъ, служба и теперь становится годъ отъ году строже и изыскательнѣе. Но въ старые годы служилъ спустя рукава, просвѣщенія не знали; а сибирскія барыни и барышни, не мечтали объ эманципаціи. Даже грамотѣ плохо знали. Теперь же къ несчастію отцовъ да мужей, слишкомъ много знаютъ...

Послужилъ Ѳедотъ Ивановичъ еще шесть лѣтъ участковымъ засѣдателемъ, стало быть откололъ уже всего 30 лѣтъ въ службѣ; облысѣлъ, обрюзгъ, корявое его лицо залпывшее отъ жиру и багровое отъ вина ужъ точно стало можетъ быть походить на смертный грѣхъ; но чиновники, у которыхъ были дочки, умилно на него поглядывали потому что онъ былъ еще холостъ. Въ городѣ поговаривали что у него въ ломбардѣ тысячонокъ съ полсотни. Покуда была жива старуха-мать, она управляла всѣмъ хозяйствомъ. Но умерла мать и жутко сдѣлалось Ѳедоту Ивановичу. Въ Сибири никогда не было господскихъ мужиковъ, ибо и 19 февраля 1861 г. насчитано ихъ во всемъ краѣ не болѣе 4000, да и эти всѣ вывезены въ старые годы изъ Россіи. Дворянъ здѣсь (за малыми исключеніями очень немногихъ праздношатающихся мѣщанъ и крестьянъ) состоитъ вся изъ ссыльно-поселенцевъ. А есть сибирская поговорка: «поселенецъ тотъ же младенецъ, на что ни взглянешъ все тянитъ!» И широко тянули страпки, кучера, работники у разбогатѣвшаго Ѳедота Ивановича. Пришлось, скрѣпивъ сердце и не глядясь въ зеркало — искать невѣсты, жениться...

И въ Петербургѣ, деньги лучшая сваха. А въ Сибири, гдѣ богатей мало (кромѣ купцовъ и золотопромышленниковъ) чиновникъ съ полсотней чистагану да съ домомъ полной чашей — кладъ женихъ да и только! Стали забѣгать къ Ѳедоту Ивановичу, когда онъ бывало воротится изъ округа домой на утреннее совѣщаніе и чапикіе разныя старухи, болѣею частью шныря вдовы-чиновники, которыхъ такъ много во всѣхъ сибирскихъ городкахъ, гдѣ поземельнаго дворянства нѣтъ а чиновники часто попадаютъ подъ судъ; лишены пенсіи, умеръ, жена иди по міру. И такъ начали старушки совѣтовать Ѳедоту Ивановичу: «возми отецъ родной Анну Сидоровну, кровь съ молокомъ» или «Варвару Никитичну, ужъ вотъ умница-разумница хоть въ Питерѣ показать такъ не стыдно». Но Ѳедотъ Ивановичъ ходилъ бывало по комнатѣ, сосетъ коротенькую трубочку да мотаетъ лысой головой. Разборчивъ былъ. Не возьму — говорить онъ — трешотка, языкъ шибко востеръ; либо прибавить: красива, да ужъ шибко бойка! И такъ далѣ. И вдругъ — ни съ того ни съ сего пошелъ онъ однажды въ переулокъ, постучался въ калитку вросшаго въ землю домишка, въ которомъ жила пятью рублями въ мѣсяцъ и мѣдью тощей пенсіи вдова-прапорщица и посватался на ея дочери Олинкѣ, шестнадцатилѣтней дѣвочкѣ. Ахнула прапорщица, ахнула Ялutorовскъ, ахнули всѣ барыни и пуще всего дѣвочки, лопнули съ досады старухи-свахи; а дѣлать нечего! всѣ поѣхали и побѣжали въ соборъ, смотрѣть вѣнчанье. Ѳедотъ Ивановичъ стоялъ въ мундирѣ красный какъ ракъ, рябой, лысый, обрюзгшій, хотя только 46 лѣтъ отъ роду, а на взглядъ подѣльныхъ 60, страшно толстый и пыхтѣлъ какъ паровозъ. Рядомъ съ

нимъ стояла Олинька, крохотный и заплаканный ребенокъ, маленькое и нѣжненькое созданье, съ томными голубыми глазами, съ пышной русой косой, съ ножкой, которую бы слѣдовало паловать до безконечности, съ ручками какъ бы выточенными изъ слоновой кости... Вѣдное, бѣдное дитя!

Ее обвиняли (кто жъ рѣшится сказать что добровольно?) послѣ Пасхи, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; а въ маѣ, меня полумертваго принесли на рукахъ въ ихъ домъ и положили на диванъ въ кабинетѣ.

Ѳедотъ Ивановичъ былъ въ сущности предобрѣйшій и прескромнѣйшій человекъ, даромъ что немилосердно обиралъ мужиковъ своего участка. Не потому что тогдашній тобольскій губернаторъ (Д. Н. Вантшъ-Каменскій) былъ мой давній и хорошей знакомый, а просто по добротѣ сердца — онъ, прискакавши изъ округа (когда ему дали знать съ нарочнымъ изъ земскаго суда о томъ, что сомной случилось) ни за что не согласился (какъ я на этомъ ни настаивалъ послѣ первыхъ дней лежки), чтобы меня перенесли на отводную квартиру. «Помилюте-съ!» кричалъ онъ, поспѣшно насасывая свою неизмѣнную трубочку «да какъ же это можно? Лекаръ не велитъ, покуда кость не начнетъ срастаться и движенія даже дѣлать, а вы хотите, чтобы васъ перенесли съ?.. Да что вы-съ? Чѣмъ у меня не домъ-съ?» И пойдешь, и расходится... Кончилъ тѣмъ, что я отдался на его полную волю.

И зажили мы тогда припѣваючи. Я — лека въ дубкахъ на диванѣ. Ѳедотъ Ивановичъ-то уѣзжая въ округъ по дѣламъ, то возвращаясь на день-другой въ городъ. Олинька — сидя у моего изголовья съ вязаньемъ. Теща прапорщица хлопоча по хозяйству на кухнѣ (онъ взялъ эту старуху къ себѣ въ домъ, кромѣ Олинки у нея дѣтей не было). Даже котъ Васька, первые дни меня дичившійся — привыкъ потомъ спать у меня въ ногахъ. Бывало часы стучать однообразно, тоску наводятъ особенно ночью. Шемятъ и сердце, глядя на грустное всегда задумчивое личико Олинки. Видно ей жизнь не въ радость въ этомъ барскомъ домѣ и съ полсотней тысячъ рублей у мужа, съ лестнымъ титуломъ «богатой чиновницы», у которой Ѳедотъ Ивановичъ самъ пожалуй скоро будетъ исправникомъ. А чего она печалится, бѣдное дитя? Али молодое сердечко любви просить?

Отъ мысли до мысли, отъ сердечнаго участія къ участію еще живѣйшему, отъ душевнаго увлеченія до увлеченія еще большаго — путь не видимъ и никакой психологъ не разберетъ какимъ образомъ кончишь мечты свои тѣмъ, что влюбилъ. И со мной, случилось тоже самое! Я полюбилъ Олинку страстно, всѣми силами своей пылкой души. Что жъ умалчивать при немъ и скрывать давно-былое? Она — бѣдное дитя, полюбила меня такъ какъ никогда еще я быть можетъ и не былъ любимъ; любовью чистой, павной, дѣтски-довѣрчивой, всѣмъ что есть самаго нѣжнаго и самаго святаго въ этомъ святѣйшемъ чувствѣ!

Ялutorовскъ и доселѣ дрянной городишко, болѣе похожій на торговое село, нежели на обиталище всякаго рода чиновничества. И доселѣ въ немъ только 2 независимыхъ церкви, безобразный деревянный гостинный дворъ, фонари безъ стеколъ а ужъ не то, чтобы съ свѣчкой (о маслѣ и не поминай) тротуары кое гдѣ да и тѣ въ дырахъ. Зимой онъ занесенъ снѣгомъ, а лѣтомъ въ немъ непроходимая грязь. Впрочемъ чиновники очень мѣлые люди, занятые какъ подобаетъ казеннымъ дѣломъ. Есть хорошенькія барыни, есть и изрядныя дѣвочки. Есть у единого купца единое же фортепьяно на весь городъ. Есть наконецъ и уѣздное училище съ очень малымъ числомъ учениковъ, за то кабаковъ теперь множество. Въ тѣ годы когда нелегкая разбила меня объ Олинкинъ домикъ, этотъ благословенный хлѣбкомъ и мясомъ городъ былъ еще глуше, еще диче... И донны — въ немъ можно найти одно только утѣшеніе: хорошо поѣсть. Впрочемъ вездѣ въ Сибири просвѣщенія пока не требуется...

Понятно, что въ такой трущобѣ, (хотя она и на главномъ сибирскомъ трактѣ) лежать недвижно въ дубкахъ цѣлыя недѣли, видѣть ежеминутно у своего страдальческаго одра милое дитя, женщину-хризаладу, еще не вспорхнувшую

сердцем и мыслью из своей радужной оболочки; по целым часам чувствовать навѣваемое на свое лицо, дыханіе ея столь теплое и чистое, дѣлать свой слухъ нѣжнымъ и мелодическимъ голосомъ ея, пронизывающимъ душу безыскусственными словами сердечнаго участія; вздрагивать при малѣйшемъ прикосновеніи ея горячей руки, въ тонкихъ голубыхъ жилкахъ, которой такъ и слышится бьющая молодая кровь и... не влюбиться! да возможно ли это, скажите?

— Оленька, дитя мое! говорилъ я ей однажды: вы не разсердитесь, если я вамъ предложу нескромный можетъ быть вопросъ?

Она взглянула на меня пылливо и отчасти пугливо. Я разсмѣялся.

— Чтожъ вы на меня такъ странно смотрите? Я только хотѣлъ спросить васъ вотъ объ чемъ: сколько я ни живу здѣсь—всегда вижу васъ либо за шитьемъ, либо за несноснымъ вязаньемъ чулка. Развѣ вы ничего не читаете? Развѣ нечего у васъ въ Ялutorовскѣ читать?

Она вспыхнула и опустила свои длинные, шелковистыя ресницы.

— Стало быть точно правда? Ровно нечего?

— Какимъ же у насъ книгамъ быть Ипполитъ Иринарховичъ? отвѣчала она серебристымъ, мелодическимъ голосомъ. Мы люди маленькіе, насъ ничему не учили.

— Однако, вѣрно же учили читать и писать?

— Ну да, учили. Батюшка училъ. А здѣсь, ничему не учатъ! Батюшка вышелъ въ офицеры изъ кадетскаго корпуса въ Петербургѣ, служилъ бы хорошо да ногу переломилъ случайно, вынужденъ былъ перейти въ инвалидную команду. Онъ-то и училъ меня самъ.

— Вотъ какъ! А позвольте полюбопытствовать, чему именно?

Оленька взглянула на меня опять—но на этотъ разъ уже съ дѣтски-наивной, торжествующей улыбкой.

— Какъ чему? Читать, писать, исторію прошли вмѣстѣ; географію и арифметику, грамматику; читали Ломоносова, Державина, Карамзина, мало ли что!

— Мнѣ очень пріятно и даже радостно, что вы нашли въ батюшкѣ такого себѣ наставника. Поддерживаете ли вы эти познанія? И тѣмъ болѣе жаль, если вы ничего не читаете. А хотѣлось ли бы, или охота прошла съ замужествомъ?

Она взглянула на меня съ упрекомъ.

— Зачѣмъ вы мнѣ это говорите, Ипполитъ Иринарховичъ? Я вовсе не такая дурочка, какой я вижу вы меня воображаете! Мнѣ бы хотѣлось читать, охъ какъ бы хотѣлось! Сердце такъ щемитъ. Рванулась сама бы не знаю куда. Что такое наша жизнь? Мужа вѣчно дома нѣтъ, а если и домой пріѣзжаетъ, то все сидитъ за бумагами, рѣдко удастся слова два съ нимъ сказать. Маменька вѣчно на кухнѣ съ стряпкой да работникомъ и не позволяетъ мнѣ ничего дѣлать, ни чѣмъ по хозяйству заняться. Ты—говоришь—богатая барыня, что тебѣ руки-то мараютъ? Я на то у тебя старуха, а ты сиди у окошка да шей что нибудь или вяжи чулокъ; въ саду или въ огородѣ погуляй, какъ богатая барыня гуляють. А вотъ тутъ, точно свинцовая гиря навалилась!

Весь этотъ монологъ проговорила она съ лихорадочной быстротой. Подъ конецъ у нее навернулись даже слезинки и она сжала обѣими ручонками свою молодую высоко поднимавшуюся и взволнованную грудь, точно боялась, что сердечко ея хочетъ выскочить какъ невольница-пяташка изъ клѣтки.

И мнѣ стало горько, стало страшно тяжело! Я понялъ всю отчаянную безвыходность этой молодой жизни. Мужъ старый и уродъ, по уши въ приказномъ бумагоманьи и во взяточничествѣ; старуха-мать, набитая чванствомъ неожиданно свалившагося на нее богатства и знатности (да! знатности, не смѣйтесь; ибо и доселѣ, въ глуши сибирскихъ городковъ земскій засѣдатель, имѣющій случай наживать тысячи, слыветъ «большимъ баринкомъ», аристократомъ среди прирожденной уѣздной аристократіи городничаго, судьи, исправника, стряпчаго и прочей пишущей братіи); дома—вѣчная мертвая тишина съ мѣрнымъ чиканьемъ старинныхъ стѣнныхъ часовъ

въ залѣ, да мурлыканьемъ полусоннаго толстаго кота на лѣжанкѣ въ спальнѣ; единственная отрада—визиты барынь съ запасомъ уѣздныхъ сплетенъ; даже выйдти одной изъ дому лѣтѣмъ, погулять по зеленѣющимъ берегамъ Тобола, считается предосудительнымъ! Чтожъ остается, однако? Жалкое подобіе сада съ березками и сосенками, да съ грядами капусты, моркови, рѣпы и прочихъ экзотическихъ растений махичи-природы большинства русскаго царства: пожалуй обѣдъ, ужинъ, чай по сту чашекъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ... и все это шестнадцать лѣтъ отъ роду, при порядочной развитости понятій какую тождько могъ передать старикъ отецъ все-таки видѣвшій, какъ говорится, «свѣтъ» въ Петербургѣ и даже ходившій (тогдашъ по выpusкѣ въ офицеры изъ кадетскаго корпуса) на своихъ на двоиxъ до Парижа, значить, по тогдашнему времени и при кадетскомъ воспитаніи на многое насмотрѣвшійся. И все это тогда—въ тѣ волшебныя лѣта: когда мерещутся и въ долгіе дни, и въ длинныя безсонныя ночи, какіе-то чудно-милые и привлекательные образы; когда жарко становятся головы и молодому упругому тѣлу отъ пуховиковъ и пуховыхъ подушекъ громадной чиновнической постели; когда кровь внезапно прилетѣтъ въ сердце и обомретъ оно въ сладостномъ томленіи—почемъ знать... любви, любви, любви просить!

А сквозь полурастворенную дверь въ залу, сквозь полурастворенную дверь въ гостиную—ложится на полъ темной и душной спальни длинный багровистый лучъ наплывшихъ да нагорѣвшихъ салынхъ огарковъ въ залѣ; да слышится хриплый и разбитый голосъ полупьянаго старика-мужа, монотонно выкликающаго своему домашнему писарю ссыльно-поселенцу (съ носомъ клюквой, рысьими глазами и въ засаленномъ нанковомъ халатѣ): «Указъ изъ тобольскаго губернскаго правленія ялutorовскому земскому суду. По Указу...» Сидоръ подайка-съ еще рюмочку. Чортъ побери, глаза слипаются! Ишь какъ ихъ угораздило написать, кто ихни херы разберетъ? Не обмѣривай каналья! (хриплый хохотъ). Ну, —ладно! да набейка-съ трубочку! «По Указу...»

Бѣдное, бѣдное дитя!

А и до сихъ поръ, это горькая правда! А и до сихъ поръ эти бѣдныя молодыя барыни и барышни, въ здѣшней глухой Сибири, пропадаютъ даромъ и увядаютъ преждевременно!.. Чѣмъ имъ и въ нынѣшнее время отвести душу? На всю тобольскую губернію, одна лишь пока высшая женская школа «Маринская» въ Тобольскѣ (нѣчто въ родѣ русскихъ провинціальныхъ институтовъ для дѣвицъ); но на слишкомъ миллионъ жителей обоого пола, много ли счастливицевъ, которые въ состояніи дать въ этой школѣ мало-мальски приличное воспитаніе дочери? Казенно-коштныхъ вакансій не много, а за своекоштныхъ воспитанницъ вѣдь платить надо. Притомъ же и содержаніе нынѣ въ Тобольскѣ гораздо дороже нежели въстарь. Уѣздныя-же «женскія школы» суета суетствій, это всякому извѣстно! Учатъ въ нихъ такъ себѣ, какъ учатъ, спустя рукава) и въ мужскихъ уѣздныхъ училищахъ...

Конечно—читать нынѣ есть что. Не горе двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда происходило все нынѣ мною разсказываемое. Русскихъ газетъ и журналовъ во всѣхъ даже самыхъ глухихъ городкахъ сибирскихъ довольно. Всѣ уѣздныя училища, безъ исключенія, выписываютъ тоже разныя періодическія изданія. Въ иныхъ городкахъ, составились при этихъ училищахъ порядочныя бібліотеки. И чиновники охотно теперь покупаютъ книги. Да что такое однако это чтеніе, какъ говорится «съ плеча» безъ предварительнаго широкаго образованія, безъ умственной зрѣлой подготовки и развитія? Напротивъ! Оно приноситъ въ наше время женской части сибирскаго общества положительный вредъ. Читая все, что попало и какъ попало, безъ строгаго критеріума разсудка и просвѣщенныхъ понятій—молодыя барыни и барышни скоро свихиваютъ съ природнаго ума, пускаются порогу дичь, а частенько кончаютъ свою начитанность безобразнѣйшими проявленіями общественной дичи! Сколько напримѣръ — ложно-понятая «эмансипація женщины» вызванная на ура! изъ жур-

наловъ—породила семейныхъ несогласій, супружескихъ ссоръ, дѣвическихъ нравственныхъ паденій...

Одинька, въ тѣ блаженные времена, была именно «дитя» душой, умомъ, понятіями. Чистое, милое, безупречное дитя; безъ малѣйшихъ претензій «казаться» и даже вовсе не понимающее что такое казаться. Въ замужествѣ — сохранила она всю дѣвическую грацію, всю неодолимо-влекущую сердце стыдливую женственность безыскусственного шестнадцатилѣтняго ребенка. Чистота помысловъ всегда отражалась въ ея ясномъ взорѣ. Казалось, что надъ этой юной душой, въ каждую минуту ея земнаго бытія—присущъ былъ ангель-хранитель ея, объемля и укрывая своими свѣтозарными, бѣлыми крыльями; а если же невольный ропотъ и вырвался теперь внезапно изъ молодой груди, кто же броситъ за это въ нее первый камень? Она еще не знала страшнаго слова «несчастье» жила, какъ выражаются чиновники, «въ сѣтости», но уже скука глодала ея сердце и не одна изъ тѣхъ «свинцовыхъ гирь», о коихъ она упомянула такъ дѣтски-наивно легла быть можетъ на это сердце съ роковой минуты вѣнчанья въ соборѣ!

Этотъ первый разговоръ нашъ, затронувшій больную сторону ея духовнаго организма и вызвавшій ее на мгновенную откровенность — чего дотолѣ она себя никогда не позволяла ограничиваясь иногда лишь скромной обязанностью сидѣлки-хозяйки (какъ строго ей это наказывалъ при каждомъ прѣздѣ своею въ городъ ея мужъ, говоря: «а ужъ вы Олинька! пожалуста навѣщайте Ипполита Ирнарховича, видите-съ ему скучно лежать съ чулкомъ посидите, поговорите-съ!») былъ нежданно прерванъ звономъ колокольцевъ и громомъ тарантаса Ѳедота Иваныча прикатившаго по обычаю на денекъ—другой изъ участка.

Дней черезъ десять послѣ этого разговора, старичокъ-окуриный лекарь, позволилъ мнѣ встать. Молодость взяла свое. Молодые кости такъ живучи! Тогда прошло уже четыре недѣли съ несчастнаго выкида изъ повозки и перелома ключицы началъ срастаться. Оставалось, съ осторожностью въ ходбѣ и въ движеніяхъ—выжидать достаточнаго для дальнѣйшаго путешествія сращенія. Я хотѣлъ было воспользоваться этимъ улучшеніемъ и вступить въ свои права, эманципировать себя отъ обязательнаго гостепріимства засѣдателя и перейти на отводную квартиру. Куда тебѣ! Онъ обидѣлся, расхохотался, принялся энергически сосать свою трубчонку, божился, что я наложу на него «канфузъ» передъ всѣмъ городомъ. «Развѣ у меня хлѣба-съ не стало, али домишко худой-съ» говорилъ онъ мнѣ съ упрямствомъ. «Слава ти Богу, есть что поѣсть! Не пуцу, какъ хотите! Не обижайтесь!» Послѣ такихъ добродушныхъ настояній, совѣстно и грѣшно бы было упрямиться. Чтожъ, въ самомъ дѣлѣ, не объемъ же я Ѳедота Иваныча этими пятью-шестью недѣлями, смѣшно упорствовать? подумалъ я... и кто знаетъ: можетъ въ эту минуту другой голосъ, тайный голосъ сердца шепталъ мнѣ «останься! Она такъ мила, ты ее такъ горячо любишь! Зачѣмъ не остаться?...

И я остался.

Ипполитъ Завалишникъ (Прикамскій).

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

КРИТИКА И ЖУРНАЛИСТИКА.

О БОРЗОПИСАНІИ РАДИ ПЕЧАТНАГО ЛИСТА И О СНАЧНѢ МЫСЛИ, А РАВНО О МАЛОЙ ПОЛЗѢ И ВЕЛИКОМЪ ВРЕДѢ, ПРИНЕСЕННЫХЪ СЛОВОИЗВЕРЖЕНІЕМЪ СЛОВЕСНОСТИ РОССІЙСКОЙ.

Іереміада пенужнаго человѣка.

(Посвящается въ знакъ дружбы и памяти А. И. Л...ву).

Онъ зубами ли товаръ
Принатягиваетъ
Что и этотъ ли товаръ
Все нахваливаетъ!
(изъ народной пѣсни).

Появляясь изрѣдка на аренѣ словесности отечественной — я выхожу всегда на оную съ рѣчами, весьма не веселаго содержания. Происходить сіе какъ отъ свойствъ самой натуры моей, издѣтства меланхолической, такъ равно и вслѣдствіе обстоятельствъ доведшихъ меня до полнѣйшаго сознанія своей ненужности.

Оговорку таковую предпосылаю я новой іереміадѣ моей того ради, что бы не ввести ея въ соблазнъ юные умы, еще недостаточно окрѣпшіе въ современномъ нашемъ развитіи и стало быть, могущіе въ иную минуту задуматься надъ чужою мыслию. Подобныхъ конечно мало, — ибо большая часть юнаго поколѣнія давно уже благополучно привыкла къ мысленной «жеваній», прошитогованной весьма смачно «соблазнительной ясностью» — и другой умственной пищи не употребляетъ. Но все же могутъ еще найдтись неопытныя, такъ сказать не искушившія души, въ которыхъ не заглохъ еще окончательно зловредный процессъ мышленія и ихъ-то обязанъ предупреждать я непрестанно на счетъ собственной моей ненужности, дабы ненужность эта не обратилась въ зловредность — чего бы я никакъ не желалъ конечно.

Я фаталистъ и подчинившись самъ величію судьбы, создавшей изъ меня «ненужнаго человѣка» — вовсе не хочу раскладывать «ненужныхъ людей» и тѣмъ паче мѣшать великимъ успѣхамъ нашего общественнаго прогресса, столь очевиднымъ для всякаго, читающаго «Искру» и посѣщающаго вечера г. Ефремова. Пишу я болѣе для собственного удовольствія, тѣмъ для «почтеннѣйшей» публики и потому самому нарушаю нерѣдко весьма дерзновенно литературныя приличія.

Въ нѣкоторомъ родѣ, я взираю на себя, какъ на древняго обязаннаго ругателя, который шелъ всегда за триумфаторами и по существу своей обязанности носилъ ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Триумфаторамъ конечно это нисколько не вредило.

Началь я плачевныя размышленія свои въ «Временн» — указаніями на распространеніе — быстрое и повсемѣстное, невѣжества и безграмотности въ словесности Россійской». На эти плачевныя размышленія я еще былъ удостоенъ отвѣта; надѣялся еще вѣроятно, многомилостивцы, что исправлюсь я и покаюсь. Отвѣтъ какъ слѣдуетъ — заключался не въ опроверженіи приводимыхъ мною фактовъ и извлеченныхъ изъ нихъ выводовъ, а въ назидательномъ разъясненіи мнѣ меня самаго — что ты молъ — такой сякой и эдакой.

Разъясненіе это не принесло мнѣ однако — желаемой милостивцами пользы — а напомнило мнѣ только одну закулисную театральную сцену. Вралъ разъ немилосердо одинъ basso profundo въ дуэтѣ съ сопрано. Вы меня съ толку сбиваете! обратилась къ нему наконецъ пѣвица. «А ты, дура!» отвѣчалъ совершенно спокойно бась. Конечно, логической связи между замѣчаніемъ сопрано и отвѣтомъ баса—нѣтъ, да вѣдь въ томъ-то и вся прелесть анекдота.

Такой же прелестный анекдотъ повторился и въ литературной сферѣ по поводу первой моей статьи.

На слѣдующія, которыя совпали своимъ появленіемъ на

СИБИРСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

(Окончаніе).

Ялutorовское дитя.

Однажды—когда Федотъ Ивановичъ опять убрался на сѣд-
ство въ округъ — я, сидя съ Олинкой уже въ гостинной,
возобновилъ вышеразказанную бесѣду нашу о чтеніи, и вотъ
по какому поводу. Я страстно люблю Байрона. Онъ какъ-то
сроднился съ моей душой—диковинное однакожъ сочетаніе его
обычно-мрачной или горько-иронической настроенности съ
моей большою частью нестоющимъ веселостію. Но мало ли
въ нравственной природѣ человѣка такихъ вопіющихъ кон-
трастовъ? Я страстно люблю тоже читать въ слухъ его гар-
моническіе стихи. Они производятъ на меня своими римо-
ванными звуками какое-то успокоительное дѣйствіе. И когда
мнѣ изрѣдка сгрустнется, или тревожитъ меня какая нибудь
неотвязчивая дума—я беру на выдержку одинъ изъ его то-
мовъ и начинаю читать въ слухъ, читать и читать, покуда
раздражительность, либо дурное настроеніе не ослабнуть, не
прійдутъ подъ силой этихъ чарующихъ звуковъ. Такъ было
и въ это утро. Жаркое марево юньскаго полудня набросило
свою дымчатую пелену на маленький Ялutorовскъ. Изъ окна
гостинной выходившей какъ разъ на долину Тобола — видна
была верста на двадцать вся мягко-волнистая, пышно-зеле-
нящая окрестность. Тоболъ зачерпнулся кипучимъ золотомъ
подъ ослѣпительными лучами яркаго солнца, сверкалъ и ра-
дужился тамъ въ далекой дали, а природа и люди—все спало.
Городокъ казался вымеръ. Птичья куда-то попрятались и
умолкли. Только жужжали зеленая мухи, да пищали иногда
надъ ухомъ несносный комаръ. Я ужъ тогда вздоравливалъ,
оживало и нѣжилось крѣпнувшее тѣло. Направлялись думы,
а думать дѣнь было. Чтобы отогнать ихъ докучливостъ, я
началъ читать вслухъ великолѣпные октавы Чайльдса-Га-
рольда объ Элладѣ тогда еще сражавшейся за свою незави-
симость. И до того увлекся образными мечтами великаго поэта,
что забыть далекую Сибирь, городишко, въ которомъ былъ
невольнымъ затворникомъ, даже можетъ быть цѣлый міръ...
это вѣдь иногда бываетъ.

А не замѣтилъ—что уже долго, долго стояла Олянка въ
дверяхъ гостинной. Поворачивая страницу, я приподнялъ
голову.

И какъ мила, какъ невыразимо-граціозна показалась мнѣ
въ эту минуту она—мое бѣдное, ялutorовское дитя! Руки ея
крѣпко прильнули къ полной молодой груди, лучистые глаза
подернулись теперь томностію, въ которой она сама не мо-
гла, конечно, отдать себѣ отчета, губки были полуоткрыты.
Вся слухъ, вся тревожное ожиданіе—а чего?...

— Олянка! Что съ вами? вскрикнулъ я невольно. Вы ме-
ня не видите?

— Простоджайте, ахъ продолжайте! отвѣчала она задыхаю-
щимся голосомъ, еще крѣпче сжимая свою высоко-поднимаю-
щуюся грудь.—Мнѣ было такъ хорошо! Даромъ что не по-
нимаю ни слова, а эти звуки какъ-то шевелятъ мою душу.
Да и рѣчь-то у васъ сдѣлалась совсѣмъ другая, я никогда
ничего подобнаго не слышала.

— Это англійскіе стихи Байрона. Вотъ видите ли вы,
вѣдь чтеніе можетъ доставить большое удовольствіе. Я вамъ
правду говорилъ напередъ. Хотя по-русски, а надо жъ что ни-
будь хорошее читать.

Я взялъ ее руку. Она дрожала.

— Хотите, я вамъ дамъ книгъ? Самъ съ вами почитаю. У
меня есть Пушкинъ, Жуковскій, Карамзинъ. Вы читали что
нибудь изъ сочиненій Пушкина!

Она покраснѣла.

— Неужели не читали?

— Какой Пушкинъ?

— Какъ, какой? сказалъ я немного озадаченный.—Да это
теперь первый у насъ поэтъ въ Россіи. Неужели хотъ въ
библіотекѣ уѣзднаго училища нѣтъ его сочиненій?

— Кто знаетъ, смотритель училищныхъ книгъ не даетъ.
Да батюшка по бѣдности ни съ кѣмъ и не знался. Принять
къ себѣ гостей было не-нечто. И къ намъ никто не ходилъ. А
обо всемъ мною читанномъ, я вамъ напередъ ужъ разсказала.
Державина одна книга у батюшки была, да Ломоносова стихи,
да Кадмъ и Гармонія, да еще кое-что списанное въ тетради!
Да учебныя книги были.

— Положимъ Пушкинъ недавно началъ печатать, а вѣдь
Карамзинъ и Жуковскій много лѣтъ уже извѣстны. Неужели
вы и ихъ не читали?

Она съ горечью покачала отрицательно головой.

— Мы страшно бѣдны были! А потомъ—когда умеръ ба-
тюшка, пять рублей пенсіону получали. До книгъ ли тутъ?
Однакожъ, я много объ нихъ думала! Желала бы учиться,
желала бы читать. И посмотрѣть бы хотѣлось какъ живутъ
люди въ Петербургѣ, за границей, и что такое море, и горы
большія до облаковъ. А все чему училъ батюшка, наизусть
помню. Маменька вовсе не грамотна, мѣщанская сирота была.
Батюшка стоявши съ полкомъ въ Рязани, тамъ и женился.
Если бы онъ меня не училъ самъ, и я бы даже грамотѣ не
знала. Вѣдь есть же здѣсь барыни и барышни, которыя чи-
тать и писать не умѣютъ!

Я приказалъ своему Демиду раздѣлать одинъ изъ чемода-
новъ. Явились на свѣтъ Божій—Карамзинъ, Жуковскій, Пуш-
кинъ, Крыловъ, «Душенька» Богдановича, Батюшковъ, однимъ
словомъ вся моя русская походная бібліотека.

— Вотъ вамъ, Оляга Степановна, и книги! сказалъ я съ
торжествующимъ и радостнымъ лицомъ.—Только даю съ уго-
воромъ. Исполните ли мою просьбу, честное слово?

Она покраснѣла и взглянула на меня вопросительно.

— Я прошу васъ—оставить эти книги у себя на память,
когда уѣду.

Она страшно поблѣднѣла и упала на кресло. Я испугался.

— Что съ вами, Олянка, другъ мой? Вамъ дурно?

Я схватилъ ее обѣ руки,

— А развѣ вы уѣдете? пролепетала она и слезы брызнули
у нее изъ полурастворенныхъ глазъ. Я—все понялъ!

— Олянка, дитя мое, я люблю васъ! Ахъ, какъ люблю
васъ, еслибъ вы это знали!

Она вырвала свои руки изъ моихъ рукъ, раскинула ими,
продержала полсекунды въ нерѣшимости и вдругъ—охвативъ
ши мою голову, крѣпко-крѣпко прижала ее къ своей груди.

Жгучіе поцѣлуи были моимъ отвѣтомъ...

— Пощадите! простонала она, быстро опускаясь съ кре-
селъ на колѣни.—Господь насъ видитъ.

Я очнулся, страстно поцѣловалъ ее еще разъ и убѣжалъ
изъ гостинной...

Этотъ братскій и чистый поцѣлуй, былъ послѣднимъ. Двѣ
недѣли прожили мы потомъ въ какомъ-то заколдованномъ
кругу невыразимаго, упоительнаго счастья! Ни одно слово
любви, ни одинъ страстный порывъ, не пробивались уже на-
ружу, а между тѣмъ мы инстинктивно понимали другъ друга
сердцемъ. Пять дней и пять ночей сряду читала Олянка, съ
лица спала, почти обезсилѣла отъ напряженнаго вниманія и
ежеминутной работы ея головки; но все-таки поставила на
своемъ, прочла все, что у меня было беллетристическаго рус-
скаго и поразила своимъ пламеннымъ сочувствіемъ къ каж-
дой прекрасной мысли писателя, своимъ вѣрнымъ тактомъ,
своимъ чуткимъ пониманіемъ изящнаго. «Боже мой!» думалъ
я, слушая иногда и заслушиваясь невольно ея наивно-востор-
женныхъ словъ, «за что такая несправедливость судьбы? Вотъ
этой бы богатой натурѣ, да тщательное и разумное воспи-
таніе, да разумная жъ прививка европейской цивилизаціи, да
щедрый надѣлъ талантами украшающими жизнь—что за чуд-
ная бы вышла женщина! Почему знать? Можетъ изъ нее
вышла бы даже и гениальная женщина! А во всякомъ слу-
чаѣ, она бы при образованіи и съ такой богатой натурой—
осчастливила человѣка, который бы на ней женился. А те-
перь, что она? Недоучившаяся дочь нищей прапорщицы, же-
на стараго и глупаго добряка, который все счастье свое ставитъ
въ откупномъ «очищенномъ», да въ трубкѣ съ табакомъ, да въ

взятъ пятиткой либо десяткой съ провинившагося либо оторопѣвшаго мужика. Ея страстные порывы къ изящному, ея идеальное стремленіе къ жизни ума—все это надо было тщательно скрывать, чтобы не возбудить насмѣшекъ и непріязни дюжихъ да дюжинныхъ чепцовъ ее окружавшихъ. При томъ же, не съ кѣмъ тутъ даже и слова перемолвить не то что ужъ полюбить! А уѣздные франты, всякому это извѣстно, чортъ знаетъ что такое! Загубила жъ она свою воспримчивую душу, загубилъ ее и старикъ отецъ приподнявшій передъ нею только кончикъ громадной завѣсы скрывающей отъ толпы завѣтный міръ просвѣщенія... Вѣдное дитя!

Въ эти двѣ недѣли я могъ оцѣнить всю сокровищницу души этой милой женщины-ребенка, всю неистощимую ея кротость, все что было чистаго и святаго въ ея младенческихъ порывахъ къ жизненному свѣту ума обогащеннаго познаніями. Окрѣвши наконецъ достаточно, чтобы позволить себѣ выходить изъ дому, я предложилъ Олинкѣ прогулку по окрестности. Старуха мать не противурѣчила, а Олинка была ко мнѣ такъ доверчива! Конечно это не принято въ сибирскомъ обществѣ и туземныя барыни охотно заклеили тотчасъ же наши невинныя путешествія по берегамъ. Тобола и въ рощахъ окружающихъ Ялutorовскъ, сибирскимъ достаточно экивочнымъ словомъ «живутъ де», но Олинкѣ эта грязная мысль не приходила въ ея чистую голову а я думалъ про себя: пощечутъ да отстанутъ! И бывало когда спадетъ удушливый жаръ дневной, когда уже можно подышать упоительной прохладой наступившаго лѣтнаго вечера—мы выйдемъ изъ дому и спустимся на зеленую долину Тобола. Весело тогда мычить возвращающаеся домой сѣтое городское стадо, челноки скользятъ по зеркальной ширинкѣ рѣки; а вотъ тамъ, на самой окраинѣ небосклона лѣнится къ кособогу деревушка утонувшая въ пышной зелени береговой рощи; вотъ плыветъ по Тоболу судно съ кладью и его бѣлый надувшійся сполноту парусъ мелькаетъ тамъ и сямъ въ прихотливыхъ извилинахъ рѣчныхъ водъ надъ прибрежными густыми кустами молодого тельника. Вотъ и село съ бѣлой церковью и высокой колокольней, на далекомъ бургѣ придвинувшимся къ самому Тоболу. А коли оглянемся назадъ, то хорошъ оттуда и маленький Ялutorовскъ съ его двумя церквами и скромными домиками, у которыхъ что крыша то почти всегда зеленъ садика либо палисадника. Между тѣмъ быстро садится червонное солнце и потонуло оно наконецъ въ сизомъ туманѣ, раскидывая багровыя полосы по блѣдно-синему небу. Начинаютъ затепливаться звѣздки на звѣздкой и наносятъ съ заливныхъ луговъ Тобола ароматами пахучей скошенной травы начавшейся уже сибирской «страды» то есть полевыхъ работъ, да несется издалека звонкая пѣснь ѣдущихъ въ городъ съ покосу косцовъ и гребницъ. Какъ хорошъ тогда Божій міръ и какъ отрадно сидѣть или бродить рука въ руку съ любимой женщиной и какой! шестнадцати-лѣтнимъ пытливымъ ребенкомъ, наивнымъ умомъ своимъ допрашивающимся безпрестанно обо всемъ; полнымъ жажды знанія, сочувствующимъ своимъ любящимъ сердцемъ каждой задушевной мысли, каждому горячему слову! Можно увлечься и очень часто увлекаются женщиной въ полномъ цвѣтѣ красоты и обработаннаго познаніями ума, обворожительной всемъ, что свѣтскость даетъ изящнаго мысли и внѣшности; но признаюсь—что нѣтъ ничего очаровательнѣй какъ влгать «душу женску» въ безыскусственное, свѣжее, шестнадцатилѣтнее дитя, наивно-доступное всемъ прекраснымъ впечатлѣніямъ, воспринимающее каждый лучъ свѣта на него падающій! Такая женщина-ребенокъ, явленіе ненормальное и навсегда врѣзывается своимъ свѣтлымъ образомъ въ душу...

Такъ было и со мной въ отношеніяхъ моихъ къ Олинкѣ. Такъ всегда бываетъ, можетъ случиться со всемъ, что живо и чисто чувствуетъ...

Все, что только можетъ внушить теплая любовь неопороченная грязными мечтами разврата (столь къ несчастію обыкновеннаго паденія въ нашемъ еще полудикомъ обществѣ, съ неустановившимся еще твердо и правильно понятіями о долгѣ и чести); все что можетъ внушить святая преданность дѣлу освѣтленія и прозрѣнія этой богатой натуры ребенка со стороны прямодушнаго наставника; все наконецъ — что только

можетъ внушить энергія истинное пониманіе земнаго призванія женщины въ обществѣ, для умиротворенія и украшенія нашей столь нынѣ тревожной и пошлой жизни—все это было употреблено мною въ краткій двухнедѣльный срокъ, чтобы ознакомить Олинку съ понятіями о природѣ, о современном мірѣ, и обществѣ, объ ея обязанностяхъ какъ доброй жены и честной женщины; чтобы утвердить въ ней тѣ добрыя начала, которыми такъ щедро надѣлилъ ее Богъ; чтобы однимъ словомъ—оградить ее по возможности отъ искушеній и соблазновъ при ея впечатлительной натурѣ. Олинка слушала меня съ напряженнымъ вниманіемъ, пылливо спрашивала обо всемъ, что только желала знать обстоятельно: и какъ живутъ въ такъ называемомъ «большомъ свѣтѣ» и почему вѣдутъ тамъ себя иначе нежели нажели говорить и пишутъ, и зачѣмъ необходимо имъ лицемѣріе когда прямодушія достаточно для спокойствія совѣсти, и что такое женщина въ ея истинномъ призваніи въ наше время? А ужъ объ книгахъ и не говорю! Книги были ея страстью, ея увлеченіемъ. Учиться и непрерывно учиться, читать и непрерывно читать, и все обогащать себя непрерывно да ежедневно новыми познаніями... у этого ребенка обратилось въ «жизненное условіе»! Она справедливо говорила: «если бъ мнѣ не думать о чемъ нибудь прекрасномъ и высокомъ, я бы кажется умерла, а бы кажется не пережила убійственнаго сознанія униженія мысли»! Подобное психическое явленіе, встрѣтилось только въ другой разъ въ Россіи въ бѣдной же петербургской дѣвчкѣ Елисаветѣ Кульманъ. Но та по крайній мѣрѣ могла хотя и въ нищетѣ, а развить свою богатую и страстную натуру, усвоить себѣ европейское образованіе, заставить говорить свою душу (и какъ сладостно иногда говорить! всѣ читавшіе ея сочиненія это знаютъ). Мое жъ бѣдное Ялutorовское дитя, какъ ни былъ роскошенъ цвѣтокъ ея души, должно было увянуть въ гнилой и безотрадной средѣ, въ которую его поставили. Благодатно-растительной почвы, у корня ея жизни, не оказалось...

Наступило время отъѣзда. Былъ конецъ іюля. Старикъ окружный лекаръ, шаркнувъ предо мной по своему обычаю цивилизованною ножкой, объявилъ мнѣ, наконецъ, что я могу ѣхать безъ «сумленія». Послалъ исправникъ казака за Ѳедотомъ Иванычемъ, копошившимся, гдѣ-то въ округѣ въ райскихъ барышахъ жирнаго дѣльца «объ убійствѣ, учиненномъ богатымъ мужикомъ». Въ подобнаго рода казусахъ, можно было извѣстно да вѣдомо каждому! сладко взять съ убійцы да и дѣло вести по закону... Дилемма, конечно, трудная, однако мой хозяинъ съ помощью разнаго рода пишущей братіи рѣшилъ ее не хуже Архимеда. Съ мужика взяли, что Богъ послалъ, да и съумасшедшимъ сдѣлали, въ больницу на испытаніе привезли. Значитъ — овцы цѣлы, волки сыты... Впрочемъ это случилось въ страшно-далекія времена... Можетъ нынѣ, такихъ чудесъ и не творятъ земскіе чиновники въ трогательномъ единодушіи съ стряпчимъ и лекаремъ...

Вопреки всемъ присяжнымъ рассказамъ о разставаньи и прощаньи влюбленныхъ, мы расстались съ Олинкой очень просто. Нѣжничать не доводилось, да и она съ своимъ свѣтлымъ понятіемъ о долгѣ была отъ этого очень далека! Къ тому же, по сибирскому обычаю, на проводины (иной, чтобы выпить и закусить при случаѣ) собралось многое множество чиновносителей. Зала наполнилась табачнымъ дымомъ, графинъ съ откупнымъ очищались быстро, но Ѳедота Иваныча это не разворитъ же! За выкуренный картузный табакъ, за сѣдненныхъ сельдей и сыръ, икру и колбасу — отвѣтки у него: его мужики; а вина вѣдь отпускатся до 1 января прошлаго 1863 года, блаженной памяти откупамъ земскимъ чиновникамъ даромъ, просто разливанное море. Много было по обычаю же — толковъ о казусныхъ дѣлахъ, о ревизіи губернаторской, о производившейся тогда въ западной Сибири сенаторской ревизіи (сенаторами княземъ Куракинымъ и Безроднымъ). Изъ барынь же, на ту пору въ гостяхъ у Олинки никого не случилось. Да она и не выходила въ залу.

— Лошади-съ готовы! — доложилъ мой Демидъ.

Всѣ начали искать гдѣ бы уѣхать. Это тоже сибирскій обычай, строго тамъ и донынѣ соблюдаемый, наблюдавшійся

во время оно и въ Россіи, но теперь уже оставленный. Промыслился...

— А гдѣ же Ольга Степановна? замѣтилъ сіяющій малиново-фіолетовыми лучами хозяинъ. На разставаніи съ дорогимъ пріятелемъ, хватилъ онъ кажись рюмокъ пятнадцать откупнаго очищеннаго. Зовите Ольгу Степановну. Сидорычъ! кликни-ка ее!

Писарь Сидорычъ бросился со всѣхъ ногъ въ темный коридоръ.

— Олинька нездорова-съ, сказала вошедшая пранорщица. Лихоманка была ночью-съ, слабость теперича напала.

— Ну, такъ я пойду, прощусь, позвольте!

— Эка притча! замѣтилъ глубокомысленно хозяинъ. Съ чего бы кажись лихоманки трясти лѣтомъ, а трясетъ! Баба натура-съ, просто потемки!

— Надо бы выпить съ нашатыремъ, придалъ совѣту секретаря земскаго суда. Преполезнѣйшая-съ вещь!

Я убѣжалъ въ спальню.

Олинька лежала совершенно обезсиленная. Еще съ вечера жаловалась она мнѣ на жестоку головную боль. Ночью же у нее сдѣлался лихорадочный пароксизмъ. Когда я вошелъ, лицо ея горѣло. Одна рука была прижата къ сердцу, другая свѣсилась съ постели.

— Что это съ вами?

— Ничего, пройдетъ! отвѣчала она, силясь улыбнуться. Убъживаетъ?

— Да, лошади запрежены. Я думаю, что ваша головная боль сномъ пройдетъ. А Марья Омичична говоритъ, что у васъ ночью лихорадка была.

Она махнула свѣсившейся рукой.

— Прощайте! проговорила она задыхающимся голосомъ. Нѣкогда разсуждать! Благословите меня и Господь съ вами! Да благословите же, продолжала она съ видимымъ усиліемъ, приподнимаясь на постели. Я этого требую!

Машинально, самъ не давая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаю — я благословилъ ее.

— Теперь ступайте, вскричала она нервически. Ради Бога ступайте! Благословили — и прощайте! Что за разставанья? Будьте счастливы...

Когда мы выбрались изъ Ялutorовска на главный сибирскій трактъ (къ Ишиму) я, прошлое дѣло! зарыдалъ. Слезы меня душили.

Ямщикъ круто повернулся на облучекъ и выпучилъ на меня глаза. Чего ротозейшь? сердито крикнулъ на него Демидъ. Знай погоняй!

Подъ хлестомъ бича, тройка рванулась. При поворотѣ дороги, скрылся за рощей крохотный Ялutorовскъ.

Прошло тридцать три года.

Въ очень недавнее время, обозрѣвалъ я тобольскую губернію. Необходимость проверки нѣкоторыхъ статистическихъ и этнографическихъ работъ, привела меня и въ Ялutorовскъ.

Какъ онъ ни ничтоженъ былъ во время оно, какъ онъ ни ничтоженъ и донынѣ — однако огромный періодъ протекшаго съ тѣхъ поръ времени не могъ же не измѣнить его во многомъ. Пустырь отъ Олиньки къ Омской заставѣ уже весь заселился, по дому ея не было и въ поминѣ. На этомъ мѣстѣ, построился теперь кто-то съ претензіями на цивилизацію, съ окнами въ три стекла. Только по густо разросшемуся саду могъ еще я признать кое какъ мѣстность. Отворилъ калитку, залаяла цѣпная собака. Выползла изъ нижняго этажа какая-то сергучная фигура съ рыжей бородкой. Спрашиваю: — а гдѣ тутъ жилъ засѣдатель земскаго суда Пирожковъ? Кажись здѣсь?

— Не можемъ знать-съ, отвѣчаетъ фигура. Такого не слыхивали-съ.

— А чей же это домъ?

— Да нашъ-съ, родитель строилъ.

— А вы кто?

— Купецъ-съ здѣшній.

Я махнулъ рукой. Попытался раза два спросить кой у кого, не могъ добиться толку. Затребовалъ свѣдѣній изъ земскаго

суда. По справкѣ оказалось: «что титулярный совѣтникъ Пирожковъ состоялъ подъ судомъ и выбылъ въ Тобольскъ, а чѣмъ кончилось его дѣло и гдѣ онъ нынѣ, самъ Земскому суду неизвѣстно.» Я бросилъ съ досадою бумагу земскаго суда подъ столъ и еще разъ махнулъ рукой. Мало ли, что бываетъ на бѣломъ свѣтѣ? Въѣдъ тридцать три года пошататься по Сибири, не поле перейти.

Наканунѣ Покрова, поздно кончилась всенощная въ Тюменскомъ мужскомъ Троицкомъ монастырѣ. Ночь была чудная. Тихая, ясная, слегка морозная и слѣдовательно къ счастью моему и общему сухо было на страшно грязныхъ улицахъ пресловутой Тюмени. Долго сидѣлъ я на бревнахъ у монастырской ограда, надъ самымъ обрывомъ крутаго берега Туры — восхищаясь зарѣчьемъ, дальними деревушками, вѣтрянными мельницами, кое гдѣ сельскими церквями и все это облитое лунными, мягкими, матово-серебристыми лучами. Уснулъ городъ, погасли и кое гдѣ еще горѣвшіе фонари. Часы на городской думѣ пробили полночь. А идти домой, въ гостиницу Желѣзова (бывшую Вахрушева), гдѣ я остановился проездомъ — что-то не хотѣлось. Я чувствовалъ какое-то нервическое раздраженіе и чтобы успокоить себя да отогнать несносныя и навязчивыя думы, принялся за свое обычное лекарство, которое всегда употребляю съ успѣхомъ, т. е. бродить по спящимъ улицамъ до упаду, покуда не выбьются изъ силъ.

Кто меня не знаетъ въ здѣшнихъ городкахъ? Я уже всѣмъ примелькался съ моимъ страннымъ обычаемъ бродить по ночамъ. Запоздалый прохожій, поровнявшись со мной улыбается, полицейскій обходъ снимаетъ шапки, даже собаки созерцаютъ меня безмятежно изъ своихъ подворотень. На самомъ почти краю города, къ туринскому выѣзду, забрелъ я въ какой-то безвыходный переулочекъ. Оглядываясь кругомъ, чтобы найти путеводную нить въ этомъ лабиринтѣ лачужекъ, наткнулся я глазомъ на яркій лучъ свѣта изъ отвореннаго окна въ покосившемся отъ ветхости и древности домикѣ. Въ то же время до слуха моего долетѣли гнусливыя прикрикиванья псалтирной чтницы. Въ сибирскихъ городкахъ упражняются въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ мѣщанскія старухи, да старыя дѣвки-грамотѣйки. У людей мало-мальски достаточныхъ, перепадаетъ имъ за это кое что деньгами и ветошью носильной, а у бѣдныхъ читаютъ онѣ Христа ради, даромъ.

Что-то неодолимое толкнуло меня къ этому домишку, къ этому отворенному оконцу...

Поровнявшись съ ними — увидалъ я обычную печальную обстановку смерти и что всего тяжелѣй ложится на душу, нищеты. Горенка съ русской печью. Столъ, два стула, связанныхъ веревками; досчатая кровать съ дрянными войлочными, изорванными одѣяломъ и жидкой подушонкой; тусклое и разбитое зеркальцо на стѣнѣ, шкапикъ безъ стеколъ съ мизерной и переломанной посудой. У окна, на лавкѣ, покойница съ открытымъ лицомъ. Передъ иконою, безобразная старуха читаетъ гнусливо псалтирь. У печки котъ, свернувшійся клубкомъ. И кромѣ чтницы, ни живой души! Нѣкому оплакивать умершей. Сейчасъ видно, что сиротинка была горемычная.

Однако я стоялъ какъ окаменѣлый передъ этимъ окномъ, вшиваясь глазами въ безстрастное лице покойницы. Это была маленькая старушонка, вся въ морщинахъ, съ желтымъ и исхудалымъ лицомъ, на видъ лѣтъ шестидесяти. Кажись стоять тутъ и смотрѣть равно было нечего, а между тѣмъ черты умершей дѣлались мнѣ, что минута все знакомѣй да знакомѣй. Я право, гдѣ-то видалъ эту бѣдную женщину. Но гдѣ?

Чтница, когда я подошелъ совсѣмъ уже вплотъ къ окну (какъ будто меня тянула къ нему какая-то неодолимая сила), на скрипъ моихъ шаговъ по выпавшему наканунѣ снѣжку, взглянула и взвизгнула.

— Не бойся бабушка! Я прохожій баринъ. А надъ кѣмъ читаешь?

Удостоверившись опытнымъ взглядомъ, что я не ночной воръ (а чего было тутъ украсть, Боже мой!) старуха протаторила обычной тюменскимъ бабамъ скороговоркой:

— Да Пирожкова чиновница была, батюшка, Ольга Степановна, упокой ее Господи! Ангельская душевность, только бѣдна больно. Муженекъ все пропихъ съ горя, подѣ судомъ шился. Добрые люди ее кормили, и по міру побиралась, у Архангела на паперти сживала и на спускъ, что надѣ Турой сживала, и...

Но я уже не дослушалъ! Упалъ на колѣни тутъ, передъ этимъ отвореннымъ окномъ и крѣпко-крѣпко прильнулъ пылающей головой къ подоконнику.

Оливка!...

И еще одна страница изъ «лѣтописи сердца»! А какая страшная, какая мучительная развязка этой кипучей нѣкогда, молодой и столь много обѣщавшей жизни!

Я слышала — говорила мнѣ тюменская красавица-чиновница — что вы вчера шли одни за гробомъ какой-то нищей старухи. Отецъ Василій давеча рассказывалъ. И сорокоусть заказали. Развѣ знакомка отыскалась?

— Да! Знакомка. И дай Богъ, чтобы ея чаша минула васъ. Я ее встрѣтилъ такой же молодой, такой же милой какъ и вы — да и со столь же шаткимъ будущимъ...

Красавица-чиновница засмѣялась. Видно не поняла меня.

Исполнить Завалишникъ (Прикамскій).

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

„ФАУСТЪ“. (*)

ОПЕРА ГУНО,

НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ СЦЕНѢ.

Après l'esprit de discernement, ce qu'il y a de plus rare au monde, ce sont les diamants et les perles.

La Bruyère.

Великая драматическая поэма великаго Гёте великое множество разъ была избираема сюжетомъ для музыкальных произведеній, несмотря на положительную *немузыкальность главной идеи* Гётева Фауста. Глубокость и разнообразіе драматическихъ задачъ, щедро разсыпанныхъ въ твореніи Гёте, въ свою очередь воспользовавшагося богатыми матеріалами нѣмецкой легенды о чернокошнѣ Фаустъ, — привлекала фантазію почти всѣхъ знаменитыхъ музыкантовъ Гётевскаго и послѣ—гётевскаго времени. Увѣряютъ, что и великій современникъ Гёте, Бетховенъ задумывалъ симфоническую музыку на сюжетъ «Фауста». — Если же этому извѣстію сообщаемому Бетховенскими биографами и не давать еще полной вѣры, и съ другой стороны—вовсе не считать чѣмъ-нибудь дѣльнымъ «безчисленныхъ» музыкъ къ Фаусту, сфабрикованныхъ, по мѣрѣ надобности дюжинными капельмейстерами, все же свѣдѣтельствомъ сильнаго вліянія Гётева созданія на музыкантовъ-мыслителей позднѣйшаго періода останутся партитуры: Берліоза—la Damnation de Faust, légende dramatique,—Вагнера: Eine Faust-Ouverture, — Листа: Faust, — симфонія въ трехъ частяхъ (Фаустъ самъ — Гретхенъ — Мефистофель) — Шумана: Faust-Musik (oeuvre posthume: омузыкаленные отрывки и цѣлыя сцены изъ первой и изъ второй части Гётевой поэмы). Положительно лучшее изъ всего этого—колоссальное въ размахѣ, симфоническое вдохновеніе Вагнера на нѣсколько строкъ изъ отвѣта Фауста Мефистофелю въ одной изъ первыхъ сценъ поэмы. Шуманова музыка, при всѣхъ красотахъ, произ-

веденіе неудачное;—симфонія Листа еще *подъ сомнѣніемъ*, какъ все его «творчество»,—Берліозъ, какъ французъ, уцѣпился за вишіе эффекты, на которыхъ могъ бы дать разгуляться своему гигантскому оркестровому таланту и, какъ французъ, конечно, ушелъ *совсѣмъ въ сторону* отъ великихъ психологическихъ картинъ германскаго поэта, исказивъ даже и самую легенду своимъ безтолковымъ текстомъ.

Но и Берліозово произведеніе, несмотря на свою нескладность въ общемъ, разрозненность и дикую пестроту музыкальных картинъ, все еще обращается съ главной задачей, т. е. съ характерами Фауста, Маргариты и Мефистофеля довольно-честно, а потому и не можетъ быть отнесено къ «профанаціямъ» знаменитой темы «Фаустъ».

Кстати о профанаціяхъ! Покушенія сдѣлать изъ Фауста сюжетъ даже для балета (!) могли бы явиться удачными еслибъ какъ можно ближе держался «сатирической» программы балета, гениально набросанной Гейнрихомъ Гейне: Faust, ein Tanz-roem. Въ озлобленіи своемъ противъ тупаго идолопоклонства передъ Гёте, въ озлобленіи и противъ непроизвольно-плоскихъ, мишурныхъ эффектовъ на которыхъ зиждется искусство (!) намъ современной хореографіи, Гейне создалъ нѣчто крайне-занимательное и, въ своемъ «проническомъ» родѣ—образцовое. Его балетная программа такъ богата фантазіей, что неисполнима только съ той стороны, главнѣйше, что такой балетъ требуетъ гениальной балетной музыки, — а высоко-даровитый музыкантъ не станетъ тратить ни силъ, ни времени на громадную партитуру, которая, въ сущности, должна остаться не болѣе какъ широко-здуманной—шуткой.

Другіе же балеты изъ Фауста—не по Гейневской программѣ, должны быть отнесены къ самымъ постыднымъ профанаціямъ серьезнѣйшаго изъ сюжетовъ. Докторъ Фаустъ—танцующій! Гретхенъ—въ коротенькой балетной юбочкѣ съ кринолиномъ!..

Фаустъ, Гретхенъ и Мефистофель въ pas de trois съ пирюэтами, battements et entrechats!..

Почему же тогда не сдѣлать балетовъ еще и изъ Короля Лира, изъ Макбета и Гамлета—?! Право, очень милыя канвы для г.г. балетмейстеровъ. Обратимся снова къ дѣлу.

Всѣ музыки «къ Фаусту» или «на Фауста» о которыхъ мы только что говорили, или вовсе не имѣютъ въ виду «сцену», театральное представленіе, т. е.—остаются чисто—симфоническими — для концертной залы, — или сопровождаютъ только представленіе самой драмы (какъ Бетховенова музыка къ Эгмонту, Мендельсонова къ Шекспировой пьесѣ: «Сонъ въ лѣтнюю ночь»).

Взглянемъ теперь: можетъ ли Гётева драма быть осуществлена на сценѣ оперной.

При выборѣ задачи для музыкальной, драмы, какъ мы ее теперь понимать должны (послѣ Вагнера) что должно быть на первомъ планѣ? Слѣдующій вопросъ: принадлежитъ ли психическая жизнь главныхъ дѣйствующихъ лицъ къ той области драматическихъ движеній, которыя могутъ найти для себя полное, удовлетворительное выраженіе въ мірѣ музыкальных звуковъ въ соединеніи съ рѣчью, или иначе: могутъ ли главные моменты драмы быть выражены *тѣмъ*, т. е. голосомъ души въ ея *страстныхъ* порывахъ? Если нѣтъ, то драма положительно не — музыкальна (какъ напр. изъ Шекспировыхъ: Ричардъ III, Макбетъ).

Изъ главныхъ трехъ дѣятелей въ первой части Гётевой поэмы, вполне музыкально только одно лицо — Гретхенъ. Все, что она говоритъ сама съ собою или съ другими — богатая канва для музыки. Тутъ вездѣ—душа, волнующая, колеблемая чисто-женственными эффектами—вездѣ—слѣдовательно, *тѣмъ*, болѣе или менѣе ясно.

Самъ Фаустъ въ сценахъ съ Гретхенъ «болѣею частію» — лицо музыкальное. Въ немъ тогда говорить влюбленность, страсть — звучать энергическіе порывы сильной и сильно-взволнованной души. — Въ болѣе части монологовъ и въ сценахъ съ Вагнеромъ, съ народомъ, и въ сценахъ съ Мефистофелемъ, докторъ Фаустъ философствуетъ, разсуждаетъ, размышляетъ (даже иногда и съ Гретхенъ) слѣдовательно *тѣмъ* ему не подобаетъ—до лирическаго строя души, до *тѣмъ* Фа-

*) Либретто «Фаустъ» на русскомъ и итальянскомъ языкахъ по 50 к.—я опера для фортепьяно въ двѣ руки по 10 р. сер. за экземпляръ продается въ магазинѣ О. Стелловскаго, въ большой Морской, въ д. Лауферта № 27, въ С.-Петербургѣ.